

О письмах князя Н. С. Трубецкого

© О. В. НИКИТИН,
доктор филологических наук

В статье анализируется эпистолярное наследие князя Н.С. Трубецкого — выдающегося лингвиста и философа, одного из идеологов евразийского движения. Публикуется текст письма Н.С. Трубецкого П.Н. Савицкому о ключевых вопросах «местодействия» русской культуры.

Ключевые слова: Язык и стиль, евразийство, русская культура, родная речь, философия языка, языковая личность, свой — чужой.

The article analyzes the epistolaries and legacy of Prince N.S. Trubetskoj, a prominent linguist and philosopher, one of the ideologists of the Eurasian movement. We publish the text of the letter by N.S. Trubetskoj to P.N. Savitsky, revealing key issues of «metadata» of Russian culture.

Key words: language and style, Eurasianism, Russian culture, native language, the philosophy of language, language personality, friend or foreigner.

Мир русской культуры едва ли возможно понять без осмысления тех событий и подчас трагических эпизодов, которые разлучили не только людей, но и целые эпохи. Русская эмиграция стала уже историческим фактом. Имея глубоко национальные корни, она старалась сохранить облик родной речи, не принимая чуждые традиции отечественной культуры «изобретения» новой власти. Известны многочисленные выступления историков, литераторов, филологов в эмигрантской прессе 1920–1930-х годов с резкой критикой «новояза».

Князь Николай Сергеевич Трубецкой, один из самых ярких ученых нынешнего столетия, не раз высказывался по актуальным вопросам

языкознания и полемизировал с евразийцами. В статье «Вавилонская башня и смешение языков» он выдвинул один из основных тезисов своей программы. По его мнению, только в пределах национальной культуры «могут возникнуть морально-положительные, духовно-возвышающие человека ценности» [1].

Все же самая сокровенная, если так можно выразиться, часть творческого его Трубецкого выражена в его письмах к родным и соратникам. Дух и язык этих посланий, особый «микрокосм» стилистики их автора, простота и ясность изложения сложных лингвистических и философских понятий – предстоит еще раскрывать и исследовать.

«Грамотки» Трубецкого – это не жанр в принятом понимании, а особое мироощущение, «копилка» мыслей, событий, ситуаций. И везде автор стремится к предельной сжатости слога, информативности, пунктуальности, свойственной вообще его строгому аналитическому уму.

Письма ученого почти всегда деятельно-философичны. Его воображение как бы направлено на иную ипостась бытия – он жил не прошлым, как многие его соратники, а настоящим и даже чаще – будущим. Философия языка Трубецкого выражается и в способности к постоянному совершенствованию пропорций «языкового пространства». Событийность как свойство стиля его писем имеет часто оценочный характер и приобретает иногда весьма выразительную языковую форму.

Переписка была для него едва ли не единственной возможностью сохранить общение со «своими». Такие послания нередко «разрастались» до нескольких страниц, переходя в научные эссе, где большую часть повествования занимали именно рабочие вопросы. Оттого слова и термины истории и филологии постоянно присутствуют в его текстах.

Такой строгой стилистике писем соответствует и назначение самих посланий – деловое, не отвлеченно-романтическое, а конкретно-действенное. Вот как он характеризует традицию Екатерининского века (Курсив здесь и далее наш. – *О.Н.*): «В литературе XVIII века вряд ли можно найти материал по интересующему Вас *вопросу*. Эту литературу вообще характеризует особый *род мышления*, который можно бы назвать “*алгебраическим*” и который исключает *конкретизацию*, в том числе и географическую. Менее других “алгебраичен” Державин. У него имеются географические приурочения, но очень случайные».

Письма Н.С. Трубецкого информативны и полемичны. Твердый и уверенный голос автора (см. публикуемое далее письмо), четкие ученые постулаты как бы отражаются в словесной материи предложения. Так, он пишет П.Н. Савицкому: «Занимаюсь я, главным образом, местными дрягами и борьбой с антониевцами. Что касается до науки, то исключительным предметом моих занятий является русская литература XVIII в. в связи с читаемым мною курсом» [Там же]. При этом автор часто скрывает свои

мысли, маскирует сказанное. Иносказательность Трубецкого-политика сочетается с прямой Трубецкого-ученого.

Для него было характерно глубоко осмысленное восприятие Слова в его бытийном и духовном ипостасях. *Быт* понимается Трубецким как *культура*, без чего замирает и скудеет духовная жизнь. Недаром ему полюбилось выражение «бытовое исповедничество».

Преданный друг и коллега ученого П.Н. Савицкий выразился однажды о Трубецком как ученом в весьма изящной поэтической форме. В стихотворении, посвященном своему другу, Савицкий написал:

Твоей идеи заостренной
Ни в чем нельзя предугадать,
И нам с улыбкою смущенной
Одно осталось — бледеть и ждать.

Ждать всплеска мысли вдохновенной,
Парадоксальной глубины,
Зарницы острой и мгновенной
Над темной бездною волны,

И ощущать неотвратимо,
Как ширится охват зарниц,
И чувствовать огонь незримый
За сенью чуткою ресниц.
(ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. № 514. Л. 63 об.).

Историософ языка, Трубецкой столь же умело владел прошлыми связями логоса, как и настоящими. Его острый ум чувствовал стремительный бег времени, где многое способно прекратиться в один миг. У него почти отсутствуют модные ныне «лингвистические изыски». Но его язык имеет символику, где облик России и думы о ее трагическом пути пронизывают композицию всех писем. Находясь вдалеке от Родины, он жил современной российской действительностью и надеждой увидеть новую Россию, где, как и прежде, культура языкового общения и словотворчества была бы мерилем духовных традиций, связующих народные корни и высокий слог образованного общества. Интересны найденные нами высказывания ученого об отношении к русскому языку.

В письме от 11 сентября 1929 года к известному эмигрантскому историку и географу П.Н. Савицкому он замечает: «То, что Вы пишете о писании статей на русском языке, конечно, верно (здесь П.Н. Савицкий сделал приписку: «Я боролся и борюсь (впрочем, без большого успеха) против “денационализации” научной продукции Н.С. Трубецкого». — *О. Н.*). Но, все же, нельзя отрываться от своего главного предмета слишком часто. Время от времени, когда “набежит” подходящая тема, я буду писать ... на русском языке. Только, полагаю, что научные статьи лучше помещать

не в эмигрантских журналах, а в той же *Slavia*: ее получают и читают в России. Что же касается до статей научно-публицистического характера, то в ближайшее время я считаю нежелательным выступать с ними ввиду вышеуказанных соображений. Свои лингвистические статьи на иностранных языках я рассматриваю все-таки как *работу в области русской культуры*. А, если состоится проектируемый Р.О.Я<кобсон>ом сборник “Языки СССР”, — то это будет крупный вклад в русскую культуру и демонстрация культуры в международном масштабе» (ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. № 520. Лл. 127–127 об.).

Мы публикуем далее один из ярких образцов полемики «евразийцев» — письмо их идеолога и вдохновителя (подробнее об этом см.: [2; 3]) Николая Сергеевича Трубецкого известному «географу» литературы, историку и экономисту, одному из «первопроходцев» этнологии языка и культуры, имя которого было предано забвению в течение почти полувека, Петру Николаевичу Савицкому. Это послание представляет интерес и как фактологический источник (в нем обсуждаются центральные проблемы евразийского движения: «*местодействие*» языкового союза, «*русское мирозерцание*», «*литературный фон*» эпохи, *русская культура XVIII века* и др.), и как редкий по «гармонии стиля» эпистолярный документ эпохи, в котором отразились искания и надежды поколения 1890-х, их вера в торжество «русской идеи», поиски «социального идеала» и неиссякаемая любовь к Отечеству, отвергнувшему самых талантливых и одаренных интеллектуалов, волею судеб скитавшихся по миру, но живших внутренним единением с родной Землей, вскормившей и воспитавшей ее преданных служителей.

Н.С. Трубецкой — П.Н. Савицкому[4]

<Вена>, 21 февр<аля> 1929

Дорогой Петр Николаевич!

Конечно, наши личные и научные отношения прекращаться не должны. Да, в сущности, и идеологические остаются в силе. Признаться, я ожидал что вы мне хоть что-нибудь напишите о том, что произошло в Париже после моего отъезда (тем более, что П.П.С<увчинский>[5] ничего мне не писал). Не получая от Вас никаких известий, я подумал, что, м<ожет> б<ыть>, Вы на меня обижены и думал уладить это при ближайшем свидании (думал быть в Праге в конце февраля, но из этого ничего не вышло). Очень рад, что мои опасения были неосновательны.

Занимаюсь я, главным образом, местными дрязгами и борьбой с антониевцами. Что касается до науки, то исключительным предметом моих занятий является русская литература XVIII в. в связи с читаемым мною курсом. Ваша тема «местодействия» интересна и важна, но мне кажется, что тут

можно пока только поставить вопрос, наметить самую проблему, конкретной же разработки пока дать невозможно. При постановке вопроса следует, по-моему, строго различать два понятия «литературы», — с одной стороны, литературного фона, слагающегося из совокупности более или менее общепринятых в данную эпоху литературных навыков, приемов и трафаретов и являющегося неперенным условием всякого литературного бытия, а с другой стороны, большой литературы, всегда индивидуальной, отталкивающейся от фона, но в то же время все-таки в этом фоне укорененная и им обусловленная. «Литературный фон» бытует, главным образом, в произведениях бездарных или второстепенных писателей, «большая литература» — в произведениях писателей даровитых. Модное местодействие — явление из области литературного фона; лишь очень редко эту моду создает большой писатель. Поэтому изучать перемещение местодействий (литературную колонизацию) приходится не на произведениях (далее написано и зачеркнуто: *великих*. — *О. Н.*) крупных писателей, а на массовой литературе. Между тем, история массовой литературы очень мало разработана: историки литературы больше прельщаются изучением отдельных крупных писателей. Методы изучения массовой литературы (литературного фона) и большой литературы довольно различны. Об этом есть мысли у Якобсона. Поговорите с ним. — В литературе XVIII в. вряд ли можно найти материал по интересующему Вас вопросу. Эту литературу вообще характеризует особый род мышления, который можно бы назвать «алгебраическим» и который исключает конкретизацию, в том числе и географическую. Менее других «алгебраичен» Державин. У него имеются географические приурочения, но очень случайные. Общая его географическая ориентация скорее на север. То же, пожалуй, можно сказать и о Ломоносове. Но, в общем, до Пушкинской эпохи местодействие вообще несущественно. Кстати, по поводу Вашей прежней работы над местодействием в русской литературе [6] я высказывал Вам мысль, что в XVIII в. живопись влияла на литературу, а в XIX в. — наоборот, литература на живопись. При более близком ознакомлении с литературой XVIII в. я, однако, теперь отказываюсь от этого обобщения: «живописен» из писателей XVIII в. один только Державин, только он один действительно вдохновлялся живописью. Кроме того, известны ещё некоторые второстепенные поэты, которые одновременно были и живописцами и архитекторами (Львов, Вельяминов); однако, в их поэтических произведениях этот биографический факт никак не отразился.

По поводу зодчества Вы, конечно, читали статью А.И.Некрасова в первом № *Slavische Rundschau*. Любопытно, но вряд ли убедительно.

Целую ручки Вере Ивановне

(имеется в виду жена П.Н. Савицкого. — *О. Н.*).

Обнимаю Вас.

Ваш Н.Т.

Литература

1. *Трубецкой Н.С.* Вавилонская башня и смешение языков // Евразийский временник. Кн. III. Берлин, 1923. С. 111.
2. *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. М., 1995.
3. *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М., 1997.
4. ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. № 520. Лл. 114–115 об.
5. *Сувчинский П.П.* (1892–1985) – публицист, музыковед, литературный критик, В 1920-е годы активно публиковал статьи в эмигрантских изданиях по евразийской проблематике. См. о нем: *Философы России XIX–XX столетий: Биографии, идеи, труды.* 2-е изд., перераб. и доп. М., 1995. С. 577–578.
6. Н.С. Трубецкой имеет в виду работу П.Н. Савицкого «Местодействие в русской литературе (Географическая сторона истории литературы)», тезисы которой сохранились в архивном собрании последнего: ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. № 71.

Московский государственный областной университет